

возможности соития не входила мне в голову. (...) Было в этом чувстве и сладостр[астие], но зачем оно сюда попало, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне лубрические картины (т. е. соблазительные — от лат. *lūbricus* — В. А.), напротив, я имею страшное отвращение. (...)»⁸

После очередной сцены, вызванной болезнью С. А. Толстой, 12 июня 1910 г. Толстой уехал из Ясной Поляны к Черткову в Отрадное Подольского уезда Московской губернии и через несколько дней, 20 июня, записал в Дневнике: «Хочу попытаться сознательно борот[ься] с Соней добром, любовью. Издалека кажется возможным. Постараюсь и вблизи исполнить»⁹.

26 июня 1910 г. С. А. Толстая прочла эту запись, и с этого момента никакие уговоры на нее уже не действовали. В своем дневнике она исповедалась так: «...Жизнь моя с Льв[ом] Ник[олаевичем] делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. И все это постепенно и очень последовательно сделано Чертковым. Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л[ьве] Н[иколаевиче] и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л[ьва] Н[иколаевича] последних лет, на которые его подбивал его глупый злой гений.

Да, если верить в дьявола, то в Черткове он воплотился и разбил нашу жизнь»¹⁰.

Итак, попытка бороться любовью не удалась. Но и тогда Толстой не уставал повторять: «Очень просто сделать то, что хочется и что легко — уехать; а надо делать то, что трудно, — остаться»¹¹.

В ночь с 27 на 28 октября 1910 г. туго натянутая пружина многолетнего семейного конфликта лопнула. Из дома, известного паломникам всего мира, Толстой бежал в открытое всем ветрам пространство большой дороги навстречу своей смерти. Еще не зная этого, в Оптиной пустыни 28 октября 1910 г. он так оценил случившееся: «Может быть ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Л[ьва] Н[иколаевича], а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне»¹². Но было уже поздно...

Через день после смерти Толстого, 8 ноября 1910 г., корреспондент «Киевской мысли» П. А. Виленский телеграфировал в свою газету: «Беседовал [с] Пастернаком»¹³. Сказал, [что] Толстого рисовал, писал неоднократно; последний раз видел его год назад. Лицо мне кажется очень исхудавшим. [В] верхней части чувствуется много страданий. Такое выражение лица бывало [у] Толстого при жизни, но редко. Теперь осело. Видно, последнее время сильно томился. (...)»¹⁴.

Это наблюдение художника — «...сильно томился» — подтверждают и публикуемые ниже отрывки из дневника М. С. Сухотина. Они являются логическим продолжением уже известных фрагментов¹⁵. Последняя запись в них датируется 20 мая 1910 г. Поэтому новую подборку документов мы начинаем со следующей записи, сделанной М. С. Сухотиным 20 июня 1910 г. Текст печатается по автографу с незначительными купюрами. Сокращению подверглись только те материалы, которые никоим образом не связаны ни с обстановкой в яснополянском доме, ни с другими моментами, имеющими непосредственное отношение к уходу Толстого. См.: РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 44—60 об. Курсив М. С. Сухотина.

События последних месяцев жизни Л. Н. Толстого оживают и в переписке Т. Л. Сухотиной-Толстой с С. Л. Толстым. Документы публикуются по автографам, хранящимся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. М.: Наука, 1988. С. 228.

² Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1979.

³ С. Л. Толстой в «Предисловии» к подготовленному им изданию дневников С. А. Толстой